

УДК 911.6

Районирование Урало-Поволжья для целей пространственного планирования

Ю. В. Преображенский

Преображенский Юрий Владимирович, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, topofag@yandex.ru

Рассматривается состав макрорегионов в «Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года». Принципы выделения макрорегиона анализируются с позиции соответствия подходу экономического районирования. В пределах обширной территории Урало-Поволжья выделяются типичные и переходные регионы, анализируются морфологические особенности системы расселения прежде всего в долинах рек. Делается вывод о внутренней неоднородности ряда предложенных макрорегионов.

Ключевые слова: экономическое районирование, экономический микрорайон, макрорегион, Урало-Поволжье, Поволжский экономический район, стратегия пространственного развития, система расселения.

The Zoning of the Ural-Volga Region for Spatial Planning Purposes

Yu. V. Preobrazhenskiy

Yuri V. Preobrazhenskiy, <https://orcid.org/0000-0003-2774-0554>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, topofag@yandex.ru

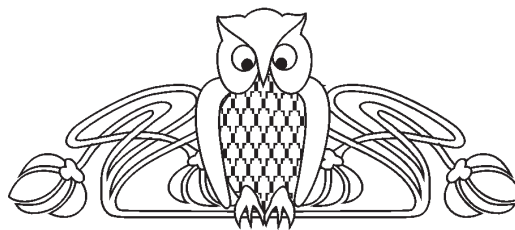
The composition of macro-regions in the «Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the Period up to 2025» is considered. The principles of allocation of the macro-region are analyzed from the position of compliance with the approaches of economic zoning. Within the vast territory of the Ural-Volga region, typical and transitional regions are distinguished, morphological features of the settlement system are analyzed, primarily in the river valleys. The conclusion is made about the internal heterogeneity of a number of proposed macro-regions.

Keywords: economic zoning, economic micro-district, macro-region, Ural-Volga region, Volga economic region, strategy of spatial development, settlement system.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2019-19-2-97-103>

Введение. «Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года» [1] (далее – Стратегия), в которой прописан состав 12 макрорегионов, вновь поставила вопрос об актуальном экономическом районировании страны. На основе каких принципов, с учетом каких факторов должно оно осуществляться на текущем этапе развития страны?

В этой связи представляет интерес вопрос методологии экономического районирования и

конкретный его результат (сетка районов), который мы предлагаем обсудить на примере Среднего и Нижнего Поволжья.

Макрорегионы и макрорайоны – подходы к выделению. Прежде всего следует обозначить разницу между макрорегионом и макрорайоном. В отечественной практике под макрорегионом понимают надрегиональное образование, включающее несколько субъектов РФ. Как правило, макрорегионы или приравняются к федеральным округам, или выделяются в пределах их границ. Понятие «макрорегион» закреплено в законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и связано с общими приоритетами социально-экономического развития территории в его границах. Основная функция выделения макрорегионов (МР) обусловлена оптимизацией управления «сверху». Очевидно, что приоритеты развития во многом определяются генезисом формирования МР, и в данном качестве последние сближаются с экономическими районами.

В этой связи В. Н. Лаженцев считает, что «...границы федеральных округов не соответствуют ни “старым”, ни возможным новым крупным экономическим районам (КЭР), которые правомерно считались опорными образованиями в пространственной структуре народного хозяйства страны в целом, плацдармами реализации государственной политики в области размещения производительных сил и реализации “ключевых” национальных проектов» [2, с. 32].

Макрорайон является результатом экономического районирования, по сути комплексного – общественно-географического. Собственно, как правило, его называют просто экономическим районом (Поволжский, Центрально-Черноземный и др.), и приставку «макро» он получает только когда речь заходит о районировании на разном иерархическом уровне (макро-, мезо-, микро-). В связи с распадом плановой системы экономики некоторыми авторами обоснованно ставится вопрос об актуальности прикладного значения такого понятия.

По каким признакам можно судить об объективности существования экономического района (ЭР)? В нашем представлении, это прежде всего признаки общности и связности. Общность (помимо территориальной близости) проявляется в сходных природных условиях и (в меньшей степени) ресурсах, обуславливающих общие черты природопользования и, соответственно,

определенную специализацию района в страновом и/или мировом разделении труда. Связность предполагает более интенсивные связи по линии кооперации (создания цепочек добавленной стоимости) скорее между субъектами района, нежели между ними и субъектами других районов.

Отмечаем, что распад связей советской экономики привел к поиску новых хозяйственных отношений между регионами. Однако и по прошествии почти тридцати лет этот процесс не получил завершения, что отчасти связано с неполнотой, незавершенностью технологических цепочек производства готовой продукции в разных отраслях. Недостаточность, непостоянность связей между регионами не позволяет говорить о внутренней связности районов, об их целостности. Подобного мнения придерживаются авторы работы [3], отмечая, что «... хаотичность процесса формирования новой картины связей... до сих пор не позволяет наметить даже примерные экономические районы нового времени, которые стали бы общепринятым вариантом районирования» [3, с. 14].

Уже цитированный нами В. Н. Лаженцев справедливо отмечает, что «... не исчезла сама проблема совершенствования территориального устройства страны “под государственное управление”. КЭР является практически необходимым районом и в качестве территориального образования однотипного природопользования» [2, с. 33]. Такой крупный экономический район, очевидно, должен выделяться на несколько других принципах, чем госплановский экономический район, формировавшийся, по мнению отдельных авторов, не «для себя», а «для страны», т. е. во главу ставились не районные, а союзные приоритеты.

Так, И. В. Митрофанова отмечает, что «... производственно-экономические связи, организуемые по принципу комплексирования, являлись главным и единственным критерием районирования и устанавливались не столько из хозяйственной и социальной однородности территорий, сколько из ориентиров на индустриализацию проективных возможностей и, по существу, принудительной практики формирования на основе определенных ресурсных сочетаний территориально-производственных комплексов» [4, с. 33].

Заметим, что ситуация распада упоминаемых связей и трансформации сетки районов вплоть до неопределенного, плавающего состояния проявляется преимущественно на макроуровне – уровне крупных экономических районов, число которых в разных выкладках может колебаться от 7 до 14. Большее число покажет чрезмерно раздробленную картину, которая уже будет ближе к мезорайонированию. На уровне выделения микрорайонов сетка меняется не слишком значительно, и они продолжают существовать с «большой объективностью», чем макрорайоны. Это связано с тем, что микрорайонирование основано прежде всего на выделении функционально-планировочного центра и территории, которую он обслуживает,

преимущественно по линии трудовых и культурно-бытовых связей. Даже если экономические связи деформировались, население в пределах района продолжает пользоваться услугами его центра.

Идея выделения экономических микрорайонов тесно связана с понятием узлового района, предложенным Б. Б. Родоманом. Согласно его определению, узловой (нодальный) район – это ареал с центром, ядром, собирающим или распределяющим потоки (людей, вещества, энергии, информации) [5, с. 7]. По нашим представлениям, именно микрорайоны могут стать основой для макрорайонирования в текущей ситуации.

Состав макрорегионов в Стратегии. Как можно понять, авторы Стратегии в основном ориентируются на идею продолжающейся поляризации социально-экономического пространства страны и создания агломераций, в которых сохраняется экономическая активность. В этой логике в каждом МР должно располагаться несколько крупных агломераций, а прочая территория будет «подшиваться» к ним по остаточному принципу.

В утвержденной Стратегии о принципах выделения МР не говорится. Их функция состоит в «...сокращении уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации, а также снижении внутрирегиональных социально-экономических различий», что будет, как предполагается, достигнуто «за счет усиления межрегионального сотрудничества и координации социально-экономического развития субъектов РФ в рамках макрорегионов РФ»¹ [1].

При выделении макрорегионов, как отмечает В. Н. Лаженцев, нельзя игнорировать задачу приведения «... в соответствие границ федеральных округов и крупных экономических районов» [2, с. 29]. Автор, конечно, имеет в виду изменение границ первых. Создатели же Стратегии помещают макрорегионы в пределах округов, что не снимает противоречия целостности. О последней почти аксиоматично говорит П. Я. Бакланов: «Чем целостнее объект, тем эффективнее может быть его управление. Социально-экономический район, выделенный при соответствующем районировании, может и должен представлять собой достаточно целостное образование. Он и должен становиться основой административного района» [6, с. 25].

Согласно Стратегии, территория старого (советского) Поволжского ЭР будет разделена между тремя макрорегионами: Волго-Камским, Волго-Уральским и Южным (табл. 1).

¹ Отметим, что в предложенном в 2018 г. проекте Стратегии приводились принципы выделения МР, например речь шла о значительном потенциале межрегионального взаимодействия и кооперации в рамках реализации эффективной экономической специализации субъектов РФ в пределах МР, в частности, для реализации крупных межрегиональных инвестиционных проектов. При этом оценка потенциала межрегионального взаимодействия и кооперации в документе отсутствовала.

Таблица 1

Состав некоторых макрорегионов

Макрорегион	Состав
Волго-Камский	<i>Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Пермский край, Кировская область, Нижегородская область</i>
Волго-Уральский	Республика Башкортостан, Оренбургская область, Пензенская область, Самарская область, Саратовская область, Ульяновская область
Южный	г. Севастополь, Республика Адыгея, Республика Калмыкия , Республика Крым, Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область , Ростовская область
Урало-Сибирский	Курганская область, Свердловская область, Тюменская область (+Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа), Челябинская область

Примечание. Жирным шрифтом выделены регионы Поволжского ЭР, курсивом – Волго-Вятского.

Насколько обосновано такое разделение? Очевидно, есть определенные предпосылки, которые позволяют обнаружить некоторую общность субъектов РФ в пределах указанных макрорегионов, а также рассматривать Волго-Камский, Волго-Уральский и Уральский макрорегионы как части обширного суперрайона² Урало-Поволжье, составляющего некоторую промежуточную зону между европейской и азиатской макроразностями.

Суперрайон Урало-Поволжье не имеет общепризнанных рубежей. И. В. Голубченко отмечает, что можно говорить об Урало-Поволжье в широком и узком смысле. Расширенная его территория включает три экономических района России (Уральский, Поволжский и Волго-Вятский), а также области западной части Казахстана: Атыраускую, Актюбинскую, Западно-Казахстанскую, Кустанайскую. В узком смысле территория Урало-Поволжья охватывает Уральский и северную часть Поволжского ЭР [7, с.48]. Оснований для выделения подобного макрорайона достаточно. Во-первых, это общность климатических условий, во-вторых – нахождение существенной части макрорайона в пределах Волго-Уральской нефтегазоносной провинции. При этом почти все регионы из узкого состава частично распложены на склоне Уральских гор и в предуральском прогибе. Это позволяет развиваться здесь одновременно и металлургии, и нефтехимии на базе собственного сырья.

Отметим, что в любом районировании есть территории более типичные по совокупности признаков районирования и территории пограничные, чья принадлежность к району может быть оспорена. В Поволжском ЭР к последним относятся не имеющие выхода к Волге: Пензенская область и Республика Калмыкия³. Очевидно просматриваются такие «спорные» регионы и в предложенных в Стратегии макрорегионах⁴. В ряде случаев явно проявляется тяготение отдельных частей территории региона к разным ЭР.

² В литературе Урало-Поволжье принято называть макрорегионом, мы же предпочли термин «суперрайон», поскольку это, скорее, сдвоенный экономический район и его нужно рассматривать в этой логике (а не в логике выделения макрорегионов).

³ Последняя, впрочем, имеет выход к Каспийскому морю.

⁴ Например, какие признаки Урала характерны для Саратовской области, если относить ее к Волго-Уральскому району?

Гетерогенность Поволжского ЭР была достаточно очевидна в позднесоветское время. Нарастание внутрирайонных различий говорит о необходимости выделения новых районов. Классик отечественного экономического районирования Е. Е. Лейзерович отмечал, что существуют «... различия между его (*Поволжского ЭР*) северной и южной половинами как в макроположении, так и в специфике промышленной и сельскохозяйственной деятельности. В постсоветские годы эти различия сильно увеличились. В настоящее время напрашивается разделение Поволжского ОЭР⁵ на Средневожский (Республика Татарстан, Ульяновская, Самарская, Пензенская области) и Нижневожский (Республика Калмыкия, Астраханская, Волгоградская и Саратовская области) ОЭР» [8, с.10].

Такое предположение подкрепляется существенными различиями в выпуске продукции промышленного производства в этих двух частях Поволжского ЭР. Попытка сопоставить вес микрорайонов по экономическим показателям демонстрирует весьма значимые различия. Так, концентрация экономических микрорайонов с большей стоимостью произведенной промышленной продукции отмечается в северной части Поволжского ЭР. По стоимости произведенной промышленной продукции в 2016 г. заметно выделяется Самарский микрорайон – 1182 млрд рублей, затем следует Набережно-Челнинский – 935 млрд рублей, Казанский – 757 млрд рублей, Альметьевский – 675 млрд рублей. Южная же часть Поволжского ЭР отстает по стоимости произведенной промышленной продукции от северной. Здесь лишь явно выделяется Волгоградский микрорайон – 781 млрд рублей. Однако в этой части Поволжья стоимость произведенной продукции в большинстве районов не превышает 25 млрд рублей [9, с. 240].

Таким образом, предложенное в Стратегии отнесение северной и южной части Поволжского ЭР к разным МР с этих позиций в принципе достаточно объективно.

Отметим, что анализ территориальных ступков экономической активности и систем расселения, а также связей между ними позво-

⁵ ОЭР – как комплексный общественно-географический район.

лит нам прийти к пониманию «...объективности существования процесса районообразования и необходимости его изучения, анализа и выделения динамичных структур социально-экономических районов» [6, с.27]. Динамичные структуры – это пространственные системы населения и хозяйства, которые можно представить в виде линейно-узловых образований. Они лежат в основе выделения районов «снизу». Если мы пойдем этим путем, то описать систему расселения окажется проще, чем систему хозяйства, которая носит более дисперсный и отчасти сетевой характер.

С позиций узлового районирования важно не только выделить такие узлы и оси, но и проанализировать потоки вещества, энергии и информации, перемещающиеся между ними. Таким образом, каждый выделяемый на этом основании район должен иметь главный центр, роль которого состоит в увязывании социально-экономических процессов в пределах района на разном таксономическом уровне. Так, в Волго-Камском МР роль центра будут оспаривать города-миллионеры Нижний Новгород, Казань, Пермь; в Волго-Уральском – Самара и Уфа. Однако эти города и по плотности, и по экономическому весу значительно не отличаются.

Следовательно, если микрорайонирование опирается на теорию узлового района как ареала с собирательной и распределительной функцией центра, то макрорайонирование оперирует скорее пространственными структурами, складывающимися из таких узлов. Во многом эти пространственные структуры совпадают с опорным каркасом расселения, который, в свою очередь, ограничен климатическими условиями и наиболее значимыми рубежами природной контрастности, такими как долины рек, склоны гор, побережья.

Собственно, каркас почти всех старых, советских районов и составляли подобные полосовидные структуры. Выделялся только Центральный район с его ядерной структурой – суперузлом Москвы (табл. 2).

Можно предположить, что в условиях поляризации социально-экономического пространства подобные полосовидные структуры имеют потенциал трансформации в так называемой оси развития (подробнее см. в [10]).

Решением задачи по районированию в первом, самом грубом приближении является выделение каркасов расселения и хозяйственной деятельности и «разнесение» их по разным районам с добавлением малозаселенных и спорных территорий, чтобы избежать «ничейных земель». Но подходить к этой задаче следует, понимая, какую роль будет выполнять каждый район в экономике страны (и, возможно, в мировой экономике), какая специализация для него приоритетна. Такой вопрос в текущих условиях, крайне сложных для развития промышленности, налогового перераспределения в пользу федерального центра, в принципе едва ли может быть поставлен.

Расселение как основа районирования Урало-Поволжья. Система расселения, рассматриваемая на разном иерархическом уровне, в текущий момент, видимо, является тем основанием, на котором должно базироваться комплексное социально-экономическое районирование. Система расселения «...выполняет роль каркаса, или остова района, что в свое время очень хорошо было показано С. Я. Ныммик», отмечает А. А. Ткаченко [11, с.36], имея в виду, очевидно, в первую очередь эту статью [12]. Именно система расселения в настоящее время «различима» отчетливее всего и может быть положена в основу первичного общественно-географического районирования.

Главными узлами каркаса в суперрайоне Урало-Поволжья (в расширенном составе) являются 8 городов-миллионеров – половина от общероссийского числа. Однако данные центры значимо поляризуют пространство, что особенно заметно в Нижнем Поволжье. Идея выделить в пределах Урало-Поволжья некую урбанизированную ось, протянувшуюся по берегам крупнейших рек суперрайона Камы, Белой и Волги, интересна.

Таблица 2

Главные морфологические компоненты расселения в пределах экономических районов

Район	Опорная структура
Центральный	Москва как узел
Центрально-Черноземный	Не выражена
Северный	Слабо выраженные полосы расселения вдоль побережий и в долинах рек
Северо-Западный	Санкт-Петербург как узел, побережье Финского залива
Волго-Вятский	Полосы расселения вдоль Волги и Вятки
Северо-Кавказский	Полосы расселения вдоль северного склона Кавказских гор и побережий Каспийского, Черного и Азовского морей
Поволжский	Полоса расселения вдоль Волги
Уральский	Полоса расселения вдоль Камы, по склонам Уральских гор
Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский	Тяготение к полосе расселения вдоль Транссиба за пределами зоны вечной мерзлоты
Дальневосточный	Полосы расселения вдоль Амура, побережья Японского моря

Действительно, именно речная сеть, начинающаяся на западных склонах Уральских гор, является организующей район, связующей его главные центры. Это отмечал еще Д. И. Менделеев [13]. Однако структурой, подобной так называемому европейскому «Голубому банану» – скоплению населения и хозяйства в долине Рейна с ответвлениями на юг и на северо-запад, – ей не стать в связи со значительно меньшей плотностью населения.

Распределение населения в прибрежной части Волги (рис. 1, а) показывает ощутимые различия на выбранном шаге в 360 км (причины выбора см. в работе [14]). Наибольшая людность характерна для прилегающих к Волге систем расселения Самарской и Ульяновской областей, республик Татарстан и Чувашия (отрезки 1080–1440 и 1440–1800 км от устья). Выше по течению людность несколько падает, несмотря даже на наличие миллионного Нижнего Новгорода и таких крупных областных центров, как Кострома и Ярославль.

Интересно отметить, что для всех выделенных 360-километровых отрезков кроме первого, характерно наличие на берегу Волги 6–8 городов с населением свыше 12 тыс. человек (эта планка необходима, чтобы хотя бы приблизительно не включать пгт и такие «карликовые» города, как, например,

Плес). Можно предположить, что меньшая людность городов по 360-километровым участкам в Нижнем Поволжье связана с недостатком факторов роста городов, которые не уступают Среднему Поволжью по количеству. Они предстают более точками роста, тогда как города Среднего Поволжья – полюсами роста.

В Среднем Поволжье в последние годы осуществляются более крупные инвестиционные проекты, прежде всего в нефтехимии и отчасти в машиностроении (наиболее характерный пример – ОЭЗ «Алабуга»). Недосток инвестиционных проектов, соответствующих «весу» городов по численности населения, характерен для всего Поволжского ЭР. Особенно это актуально для удаленных от Волги полупериферийных районов Нижнего Поволжья.

Интересная ситуация с распределением населения наблюдается в пойме Камы (рис. 1, б). Города в нижнем течении в сумме по числу жителей составляют миллион – это преимущественно города Татарстана. Далее следует относительно малолюдный отрезок, за которым – уже в Пермском крае – снова наблюдаем концентрацию жителей.

Субъекты РФ, относимые ранее к Волго-Вятскому ЭР, с одной стороны, продолжают полосу

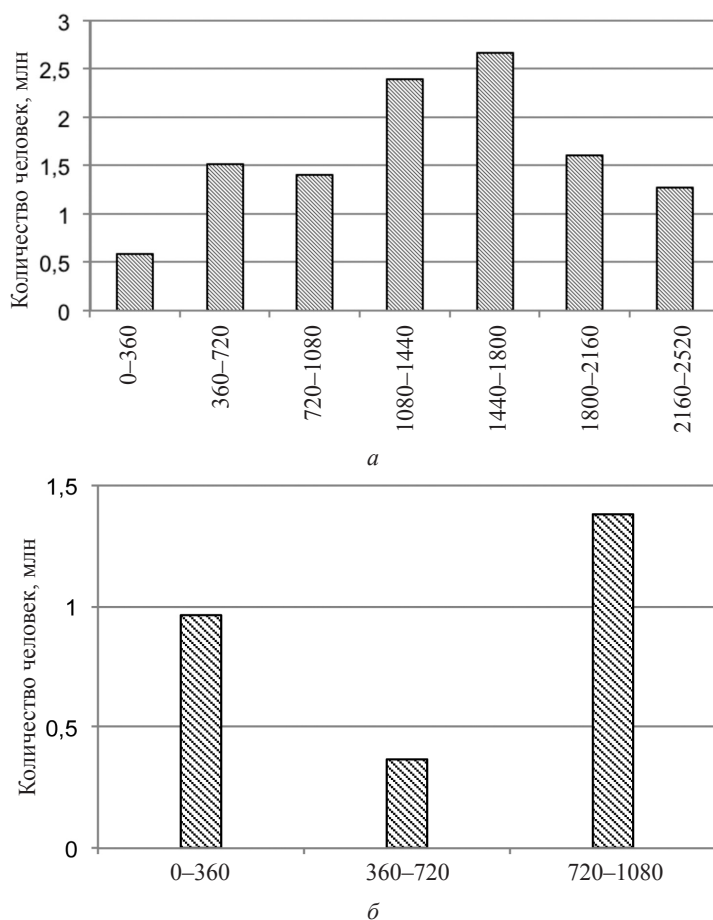

Рис. 1. Общая численность жителей городов и пгт на берегу реки на отрезках в 360 км, рассчитанных от устья Волги (а) и Камы (б)

расселения в долине Волги, с другой – испытывают существенное влияние со стороны Центрального ЭР, прежде всего Москвы. Кировская область здесь является спорным, промежуточным регионом.

Таким образом, тяготение системы расселения к крупным рекам дает возможность проследить ее явную полосовидную структуру вдоль Волги и, в меньшей степени, Камы, выделяя те или иные скопления (как, например, достаточно обширную заселенную территорию при впадении Камы в Волгу). Это позволяет достаточно подробно очертить протоструктуру для выделения целостного макрорайона по данному признаку.

Однако на Южном Урале система расселения носит другой характер. Обращает на себя внимание так называемая Башкирская лагуна, расположенная на территории с неблагоприятными для освоения условиями в пределах Горного Урала и Бугульминско-Белебеевской возвышенности [7, с. 50]. Ее особенностью является такой рисунок расселения, в котором Уфа лежит как бы в центре лагуны, а менее крупные башкирские города расположены на существенном от нее удалении, часть из них тяготеет к соседним регионам как по хозяйственным связям, так и по культурно-бытовому обслуживанию населения. При этом можно выделить скопления на северо-западе региона (на границах с Удмуртией и Татарстаном), востоке (с Челябинской областью) и юге (с Оренбургской областью). Не случайно Республика Башкортостан в макроэкономическом районировании – явно пограничный регион: в 1980-х гг. она была отнесена к Уральскому району, хотя до этого входила в состав Поволжского.

Оренбургская область в результате влияния «Башкирской лагуны» оказывается отделена от системы расселения, складывающейся вдоль рек (Белая – Кама – Волга). По экзистическим признакам и экономической специализации в ней можно выделить два центра: Оренбург с прилегающими районами, тяготеющий к Поволжью, и Орск, который является одним из ядер южноуральской подсистемы расселения.

Таким образом, эти два региона в любых сетках макрорайонирования будут оставаться спорными, переходными, что вызвано их существенной внутренней неоднородностью.

Отметим, что Саратовская область, пусть и менее неоднородная, также может рассматриваться как промежуточный регион между Уралом-Поволжьем и условным Югом России⁶. По сравнению с северо-восточными соседями здесь гораздо меньше вклад добывающей промышленности в ВРП и больше роль растениеводства. Последнее сближает область с южными регионами.

Можно заметить, что предложенный состав Волго-Уральского МР, по сути, представляет собой северную часть Поволжского ЭР с добавлен-

ными по остаточному принципу Башкортостаном и Оренбургской областью.

Больше всего сомнений вызывает состав Южного МР. Очевидны существенные различия между его юго-западными и северо-восточными частями как по природным условиям и ресурсам, так и по хозяйственной специализации. Кроме того, в экзистическом отношении приволжская система расселения Волгоградской и Астраханской областей отделена от остальной части МР полупустынями Калмыкии с крайне разреженным населением. Впрочем, достаточно существенный разрыв имеется и в северном направлении – выше связки Волгоград – Волжский вплоть до Саратова нет значимых городов (кроме небольшого Камышина).

Выводы. Таким образом, в ходе общественно-географического (комплексного) районирования выделяются прежде всего наиболее характерные и типичные регионы, к которым добавляются промежуточные. При этом территория ряда регионов может тяготеть к разным макрорайонам, что достаточно явно видно на материале Урало-Поволжья.

Макрорайоны опираются на пространственные структуры концентрации населения и хозяйства, микрорайоны, выделенные на основе узлового районирования. На основании концентрации населения в долинах Волги и Камы были обозначены зоны, являющиеся протоструктурами для сетки общественно-географического районирования. Отмечаем при этом промежуточное положение Саратовской области между Средним Поволжьем и условным Югом.

В обсуждаемой Стратегии представлена достаточно спорная система районирования (формально: выделение макрорегионов). Если с составом Волго-Камского, отчасти Волго-Уральского МР можно согласиться, то состав Южного МР вызывает обоснованные вопросы.

Библиографический список

1. Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).
2. Лаженцев В. Н. О практическом использовании социально-экономического районирования в системе государственного управления (примеры по европейскому северу России) // Проблемы развития территории. 2016. № 6 (86). С. 29–41.
3. Голубченко И. В., Оборин М. С. Георегионализм : общие подходы и примеры применения // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 13–17.
4. Митрофанова И. В. Макрорегион как утверждающаяся форма территориальной институции // Национальные интересы : приоритеты и безопасность. 2008. Т. 4, № 8 (29). С. 30–40.

⁶ Граница между культурно-ландшафтными регионами, проходя по Волге, делит область пополам [15].

5. Родман Б. Б. Районирование как обладание пространством // Региональные исследования. 2017. № 3 (57). С. 4–12.
6. Бакланов П. Я. О содержании и «смыслах» социально-экономического районирования // Географический вестник. 2018. № 3 (46). С. 24–30.
7. Голубченко И. В. Урало-Поволжье : место в районировании и территориальной организации России // Вестник Московского университета. Сер. 5, География. 2008. № 5. С. 48–53.
8. Лейзерович Е. Е. Об основных экономических районах (макрорайонах) России // Региональные исследования. 2014. № 3. С. 4–11.
9. Преображенский Ю. В., Романова А. Ю. Изменение сетки экономических микрорайонов в Поволжском экономическом районе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 234–242.
10. Преображенский Ю. В. Формирование осей развития как результат поляризации социально-экономического пространства // Социально-экономическая география // Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 196–206.
11. Ткаченко А. А. Территориальная общность в развитии и управлении. Тверь : Тверской государственный университет, 1995. 155 с.
12. Ныммик С. Я. Региональные системы расселения как каркас районообразования // Вестник Московского государственного университета. Сер. География. 1969. № 3. С. 43–56.
13. Менделеев Д. И. К познанию России : с приложением карты России. 3-е изд. СПб., 1906. 159 с.
14. Преображенский Ю. В. Пространственно-временная динамика систем расселения долин Волги и Камы // Географический вестник = Geographical bulletin. 2017. № 2(41). С. 25–31.
15. Андреев А. А. Опыт культурно-ландшафтного районирования России // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 12–25.

Образец для цитирования:

Преображенский Ю. В. Районирование Урало-Поволжья для целей пространственного планирования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 97–103. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2019-19-2-97-103>

Cite this article as:

Preobrazhenskiy Yu. V. The Zoning of the Ural-Volga Region for Spatial Planning Purposes. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Earth Sciences*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 97–103 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2019-19-2-97-103>
